
Б. Н. Путилов

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СВЯЗЕЙ ФОЛЬКЛОРА С ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

Фольклор как специфическая область духовного, художественного творчества народа органически связан с традиционным народным бытом, с этносоциальными институтами, со всем комплексом производственных, социально-бытовых, семейных отношений коллектива. Фольклор в целом и в отдельных жанровых формах складывается, развивается, функционирует в системе традиционной бытовой культуры, регулируется некоторыми общими ее закономерностями и нормами.

Эти внутренние связи и зависимости пронизывают фольклор, они являются для него универсальными, всеобъемлющими. До известной степени они обуславливают генезис и истоки жанровых систем, фольклорной сюжетики, образности и поэтической структуры, характер историко-фольклорных процессов, способы создания и особенности функционирования фольклора. Связи эти основаны на системе закономерностей, и исследование их будет иметь большое значение для выяснения существенных аспектов самой природы фольклора, его эстетики и истории.

1.

Наиболее очевидным проявлением связей фольклора с традиционно-бытовой культурой считается его функционирование в быту. В науке накоплен обширный и разнообразный материал, показывающий, насколько органично и вместе с тем сложно включен фольклор в живую бытовую практику народа. Однако еще далеко не полностью учтены формы таких включений, а самое главное, не выявлена их историческая типология и их структурное значение для фольклора. Народно-поэтические жанры и произведения обнаруживают истинный свой смысл, функционируя в составе обрядов, трудовых процессов, различных бытовых ситуаций и т. д. При этом отношения между фольклорным явлением и традиционным для него бытовым окружением далеко не просты. Особенно это касается обрядовых связей, поскольку здесь фольклор включается в очень сложную, опосредованную систему направленных действий и представлений, имеющих долгую историю и специфический набор значений. Заманчивым представляется историко-типологическое исследование обрядовых функций фольклора и выявление их жанрообразующей роли.

Фольклор не только сопровождает определенные моменты обряда, то разъясняя, то дополняя, то поэтизируя их; не только пересказывает на своем языке совершающиеся обрядовые действия, но и выявляет такие значения, которые в обрядовых действиях либо вовсе отсутствуют, либо утрачены традицией. В ряде произведений обрядового фольклора, например, более или менее отчетливо прослеживается план мифологический,

не отражающийся уже в каких-либо моментах самого обряда¹. В позднейшем обрядовом фольклоре все больше выделяется план эмоционально-психологический (ср., например, фольклор свадебного и похоронного обрядов в старом русском быту).

Можно заметить, что в обрядовых песнях постоянна тенденция к тому, чтобы в заданных рамках определенного обрядового сюжета, следуя его программе, выйти к различным сферам действительности, выразить намного больше того, что требует непосредственно обрядовое назначение песен, преодолеть ограниченные возможности обрядового действия. В обрядовых песнях нередко получал почти зримое воплощение трансформированный мир действительности; реальность преображалась, принимая желаемые, идеальные формы (колядки); песенное действие преодолевало пространственные и временные границы обряда, возвращалось в прошлое и «протягивалось» в будущее.

По-своему сложно проявляются функциональные связи фольклора с трудовыми процессами.

Мы вправе рассматривать многие традиционные для народного быта трудовые процессы как хорошо организованные системы. Песни нередко составляют органическую часть этих систем, они связаны с данным рабочим процессом, с определенным комплексом производственных задач, с набором повторяющихся движений, ситуаций и т. д. Функция трудовых песен не однозначна: они призваны облегчить (в разных планах) трудовой процесс, способствовать созданию единого ритма, сплотить коллектив работающих, создать благоприятную эмоциональную обстановку. За трудовой песней на определенных стадиях могла закрепляться и магическая функция: стремление обеспечить успех дела, воздействовать на сверхъестественные силы, устранить возможные опасности и т. д.

Автору этих строк довелось непосредственно встретиться с проявлением своеобразных функций трудовых песен на Берегу Маклая. В фольклоре папуасов деревни Бонгу обнаружили трудовые песни нескольких типов.

Первый тип был представлен песней, которую обычно поют рыбаки, вытягивая сети. Ее музыкальная структура отчетливо соответствует ритму движений рыбаков, по-видимому, строфа песни соответствует одному рабочему периоду. Повторяющиеся слова песни «Чайка ест угря», согласно пояснениям исполнителей, несут серьезную (заклинательную, по существу) функцию: они должны помочь чайкам найти в море рыбу и тем самым навести на нее ловцов.

Второй тип песен иной. Женщины исполняют их во время расчистки мужчинами участка леса под огород. Вряд ли можно предположить в данном случае прямую ритмическую и циклическую связь между работой и песней: песня выполняет эмоционально-психологическую и одновременно заклиательную функцию: слова ее — о том, как рубят какое-то, неизвестное папуасам Берега Маклая, дерево — должны, по убеждению поющих, изгнать враждебную людям силу из дерева, ослабить сопротивление самого дерева и придать дополнительную мощь топорам.

Однако трудовые песни многих народов обнаруживают более непосредственную и рациональную связь содержания с трудовым процессом. В них запечатлены моменты работы, требующие концентрации усилий. Песни включают серию рабочих команд, призывов, эмоциональных воз-

¹ См.: Т. Я. Елизаренкова, А. Я. Сыркин, К анализу индийского свадебного гимна (Ригведа X.85), «Труды по знаковым системам», II (Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 181), Тарту, 1965. Vesna Culinović-Konstantinović, Dobole i prporuše. Narodni običaji za prizivanje kiše, «Narodna umjetnost», knj. II, Zagreb, 1963; Zmaga Kumer, Smrt v slovenski ljudski pesmi. «Rad XI-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije», Zagreb, 1964; И. К. Федорова, К вопросу о связи петроглифов о Пасхи с рапануйским фольклором, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970, стр. 133—134.

гласов. Нередко в них не только описываются трудовые процессы, но и отражаются взаимоотношения работающих, результаты работы, могут появляться и социальные темы и т. д.²

Наименее обследованы такие функциональные связи фольклора, которые обнаруживают себя в различных бытовых ситуациях, не имеющих характера обрядов и не связанных с производственными операциями. Однако функционирование необрядового фольклора в народном быту, несомненно, не является чем-то совершенно свободным и нерегулируемым. Существуют определенные ограничения, регулирующие нормы, для различных жанров — свои, за которыми стоит система традиций, знаний, привычек, представлений, сознательных и неосознанных запросов и т. д. И здесь мы также имеем дело с исторической типологией, т. е. типологией, закономерно сложившейся и развивающейся.

К типологически ранним ступеням истории фольклора, связанным с бытом и представлениями доклассового общества, относится регулирование исполнения фольклорных произведений, обусловленное верой в особую силу поэтического слова и поэтического образа.

По наблюдениям А. А. Попова, «весной, во время прилета гусей и уток, долганы не рассказывали былин и сказок. Образы повествований, становясь зримыми, якобы распугивали птиц, и они пролетали стороной»³. Напротив, «во время эпидемий заставляли рассказывать былины и сказки, которые рисовали жизнь героев счастливой», веря, что «дух болезни», пораженный услышанным, «уходил совсем»⁴. Здесь же сообщается о том, что сказитель исполнял былинку с целью отправить оспу в подземный мир⁵.

Важным регулятором функционирования фольклора выступают сложившиеся формы повседневной жизни — с повторяющейся сменой труда и отдыха, с налаженными формами досуга, с привычной системой отношений внутри коллектива, с большой ролью поло-возрастной дифференциации, а в определенных условиях и социальной, имущественной, профессиональной и т. д. дифференциации.

Можно без преувеличения сказать, что традиционный быт — во всем многообразии этого понятия — является одним из главных устойчивых условий широкого творческого функционирования фольклора, одним из постоянных факторов, поддерживающих непрерывное его развитие, преемственность живых фольклорных традиций. Изменения в быту отзываются не только на функционировании фольклора, но и на его структуре; сдвиги и качественные преобразования в сфере народного быта существенным образом воздействуют на состояние фольклора, на характер историко-фольклорного процесса.

Вот почему изучение связей фольклора с бытом представляет для науки не периферийный, а определяющий интерес⁶.

2.

Одна из специфических особенностей фольклора как искусства заключается в том, что до определенного момента ему не свойственно воспроизведение жизни в эмпирических, «натуральных» формах; художественное познание и моделирование действительности совершается в нем опосредованно, через сферу быта, откуда черпается уже до известной степе-

² См. примеры в кн.: «Поэзия первобытного общества и родового строя. Тексты и комментарии», М.—Л., 1927, стр. 9—14.

³ А. А. Попов, Пережитки древних дорелигиозных воззрений долганов на природу, «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 89.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Из новейших работ на эту тему см.: Р. Ангелова, Бит и фолклор, «Известия на Етнографски институт и Музей», кн. XIV, София, 1972.

ни готовый материал для сюжетов, образов, для идеологических оценок, психологических характеристик и т. д. К этому источнику восходит в конечном счете система поэтического языка и так называемых художественных приемов. Наконец, из определенных культурно-бытовых структур рождаются многие фольклорные жанровые системы.

Основной почвой и материалом для фольклора оказываются такие явления традиционно-бытовой культуры, которые в совокупности образуют сложный по составу мир первичных обобщений, относящихся к различным сторонам действительности: обряды, обычаи, нормы быта, правовые установки, представления и верования.

Эти первичные обобщения отражаются и трансформируются в фольклоре. Возникающие собственно художественные обобщения сохраняют множество связей с обобщениями бытового плана, но не равны им ни по содержанию, ни функционально.

Таким образом, фольклор в его различных составляющих началах генетически связан с традиционным бытом. Как специфическое явление художественного творчества он создается совершенно закономерно путем выделения из различных бытовых комплексов. Мы имеем здесь дело с явлением универсальным, характерным для творчества народов, с процессами, совершающимися в строгой обусловленности и последовательности и принимающими специфические формы на разных стадиях общественного развития.

Наука накопила громадный и разнообразный материал, показывающий обязательность и универсальную повторяемость этих процессов, но мы все еще недостаточно представляем себе самый их механизм и типологию и все еще не умеем в массе конкретных случаев показать результат их действия. Между тем именно здесь кроются многие загадки фольклорного творчества; в частности, изучение этих процессов позволяет поставить на реальную почву понимание коллективности фольклорного творчества⁷. Здесь же ключ к изучению генезиса, исторических корней и специфики классических фольклорных жанров.

Их зависимость от первичных бытовых обобщений довольно отчетливо выступает на богатых материалах обрядового фольклора. Очевидно, что основной набор соответствующих жанров формируется на почве обрядов, вместе с ними и структурно соотносится с ними.

Можно показать также, что в изображении действительности, в трактовке ее проблем обрядовый фольклор далеко не свободен и идет преимущественно от тех же первичных бытовых отношений. Так, например, все многообразие, вся, так сказать, многовариантность жизненных проблем, связанных с образованием и перспективами вновь создаваемой семьи, получает в свадебной лирике если и не одностороннюю, то во всяком случае довольно жесткую трактовку, подсказываемую обрядовой сюжетикой и обрядовым идеологическим комплексом.

Куда менее очевидна генетическая связь с теми или иными элементами культурно-бытовой традиции таких фольклорных явлений, которые не входят в состав обрядов.

Специальное внимание ученых привлекают такие типы связей, при которых традиционно-бытовой субстрат, послуживший источником для фольклорной структуры, остается вне прямых с нею контактов; значение данного субстрата для фольклорной структуры, равно как и присутствие его в ней, скрыто; фольклорное явление, порожденное с участием этого субстрата, отрывается от него, развивается самостоятельно, вырастает в нечто вполне самобытное, но удивительным образом продолжает хранить следы первоначальных генетических связей.

⁷ См. В. Я. Пропп, Специфика фольклора, «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук», Л., 1946.

В. Я. Пропп пришел к заключению, что волшебная сказка как жанр генетически связана со структурой и семантикой обряда инициации и с комплексом представлений о смерти⁸. Гипотезу Проппа необходимо воспринимать без упрощений. Совершенно очевидно, что ученый не имел намерения возводить непосредственно к обряду инициации ту живую, богатую художественным содержанием, многосюжетную волшебную сказку, которая составляет богатство фольклора многих народов. Эта сказка — результат длительной творческой работы народов, результат ряда последовательных качественных трансформаций и новообразований. С обрядом инициации непосредственно связаны первые ступени развития и процесс формирования исходной структуры, исходных представлений, ситуаций, образов. Для нас, однако, важно, что эти исходные начала обнаруживают себя, свою конструктивную роль на всем протяжении длительной и сложной истории жанра. Это наблюдение имеет методологическую ценность не только для понимания волшебной сказки, но и для понимания более широких фольклорных процессов. Древнейшие традиционные культурно-бытовые явления, легшие в основу определенной жанровой структуры и послужившие исходным материалом для ее определяющих особенностей, содержат исключительные по эффективности возможности для все новых и новых (в рамках определенной традиции) художественных переосмыслений, для соотнесения с меняющейся действительностью и новым сознанием, для последовательных многоступенчатых трансформаций, продуктивных творческих встреч с новым материалом жизни, с новыми проблемами.

При этом возникают новые связи с культурно-бытовой традицией, которые могут как бы накладываться на прежние, вступать с ними в сложный контакт, замещать их и т. д. Классические жанры фольклора — волшебная сказка и эпос — характеризуются, в частности, тем, что в их структуре, сюжетике и образах трансформировались, оставив значительные следы, разностадийные бытовые, этносоциальные, мировоззренческие явления. Внимание исследователей должно быть направлено в первую очередь на обнаружение и изучение таких явлений традиционной культуры, которые играли сюжетообразующую и жанрообразующую роль. К числу наиболее ранних относятся, например, наряду с обрядом инициации, культ предков, тотемические представления и др.

На более поздних этапах жанрообразующую и сюжетообразующую роль в классическом фольклоре играли социально-бытовые отношения в феодальном обществе, семейные взаимоотношения в крестьянской среде, быт отдельных групп народа (крестьяне, солдаты), трудовые нормы и др.

Как показывают новейшие исследования, выявление таких связей, основанное на понимании специфичности фольклорного сознания, с привлечением широкого сравнительного материала, позволяет не только заново объяснить многие сложные факты истории фольклора, но и раскрыть существенные закономерности фольклорного творчества⁹.

3.

И историку фольклора, и этнографу, стремящемуся найти в фольклоре материал для освещения своих проблем, равным образом необходимо знать механизм превращения культурно-бытовой традиции в художественные обобщения, в поэтические элементы и системы.

⁸ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946, стр. 329—331.

⁹ См., например: В. М. Жирмунский, Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960; В. Я. Пропп, Мотив чудесного рождения, «Ученые записки ЛГУ», № 81. Серия филол. наук, вып. 12, Л., 1941; его же, Эдип в свете фольклора, «Ученые записки ЛГУ», № 72. Серия филол. наук, вып. 9, Л., 1944; Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники, М., 1963; его же, Герой волшебной сказки. Происхождение образа, М., 1958.

Очевидно, что явления традиционного народного быта, культуры, этносоциальных отношений входят в сферу фольклорного творчества не сплошным потоком, а избирательно. Существуют известные принципы отбора, по которым одни явления остаются за пределами, либо на периферии внимания фольклора, другие же приобретают особое значение.

Один из принципов такого отбора — это наличие в данном явлении возможностей его художественной трансформации. Разумеется, принцип этот осуществляется бессознательно.

При отборе и переработке бытовой традиции происходит ее формулирование. То или другое явление быта, обряд, обычай, бытовая норма, представление, какой-либо предмет воспринимаются не во всей полноте и в многообразной сложности их значений и функций, а в каком-то одном проявлении, которое оказывается наиболее существенным. Этот один признак превращается в стереотип, в формулу значения, поведения. Сложный спектр, который всегда в жизни стоит за любым явлением, в фольклоре сменяется двухцветным стереотипом; глубина и сложность отношений уступают место однолинейной и резкой четкости, многовариантность конкретных решений и индивидуализация — формульной повторяемости и предельной обобщенности.

Образная формула, возникшая на почве быта, включает в себе определенный — положительный или отрицательный — идеологический и эмоциональный заряд и несет по отношению к своему традиционно-бытовому субстрату определенную оценку. Типовые ситуации, бытовые нормы, отношения в обществе и семье, представления трактуются в фольклоре либо как идеальные, заслуживающие сохранения и поддержки, либо как чуждые народному идеалу, подлежащие осуждению и уничтожению. Например, в произведениях героического эпоса, в сказках, балладах многих народов строгое следование формулам поведения в одних случаях становится признаком подлинного героизма, принадлежности к миру народной жизни (брак героя, совершаемый в соответствии с нормами общества; отношения внутри семьи, основанные на соблюдении патриархальных норм, поборатимство и т. д.), в других — оно вызывает осуждение и протест (принесение человеческой жертвы, инцест и др.).

Формула не есть простое воспроизведение какого-либо элемента действительности. Фольклору чужд описательный, иллюстративный подход к этнографическому материалу. Формулирование предполагает обобщение, в котором заложено конфликтное начало. В явлении традиционного быта фольклорное творчество обнаруживает присутствующую в нем (явно или скрыто) конфликтную оппозицию либо само привносит в него эту последнюю. В основе любого фольклорного мотива, любой сюжетной темы или ситуации лежит возможность выявления противоборствующих сил, столкновения противостоящих начал.

Фольклорное творчество обладает способностью выявлять в бытовом материале внутреннюю конфликтность, которая приобретает особенное значение. Так, например, вера в сновидения, предсказывающие что-то, и представления об исполняющихся снах и о том, что бывает с людьми, которые не верят снам, получили в эпическом творчестве поэтическую реализацию с определенным набором конфликтных ситуаций: герой нарушает предсказание, данное ему в сновидении; он смело идет наперекор тайным силам и побеждает; в других случаях предсказание исполняется, и герой оказывается побежденным; различные типы оппозиций и различные развязки отражают в данном случае движение народной мысли в понимании народом героизма, возможностей борющейся личности и т. д.

Фольклорная формула выдвигает на первый план в породившем ее традиционно-бытовом субстрате противоречия, драматическое начало, мотивы борьбы. В этом — одно из ее специфических отличий от самого субстрата, который в практике народной жизни отнюдь не столь обязательно порождает конфликтные коллизии. Так, традиционный свадебный

обряд, содержащий множество мнимых, «игровых» конфликтов и столкновений двух сторон, в принципе ориентирован на благополучную развязку. Эпические песни на темы сватовства превращают мнимые конфликты в действительные. Сюжетика их, построенная на трансформации брачных норм и представлений, обрядовых ситуаций, рисует картины бескомпромиссных и жестких столкновений, непримиримой борьбы враждующих сторон, кровавых развязок и т. д.¹⁰

При таком подходе к бытовой традиции оказывается закономерным и почти обязательным то обстоятельство, что фольклорное творчество привносит в изображение бытовых ситуаций немало фантастического, обогащает возникающие образы-формулы вымыслом. Фольклору не свойственна документальность и строгость в обращении с «источниками», законом для него является творческое переосмысление, которое предусматривает, в частности, «протягивание» бытовых отношений, норм, представлений в сферу небывалого, художественное их развитие, домысливание, сюжетную их разработку.

Югославский этнограф П. Влахович исследовал цикл южнославянских песен, разрабатывающих следующий сюжет: герой убивает турка, ему грозит казнь. Сестра героя, спасая его, посылает на казнь вместо него своего сына. Исследователь вполне справедливо видит связь основного мотива песен с отношениями авункулата. П. Влахович полагает, что готовность сестры послать на смерть своего сына ради спасения брата, равно как и согласие племянника и дяди с ее решением, вытекают из этих отношений. «Безусловно, она делала это с грустью и болью, но обязана была исполнить без колебаний общественный долг, хотя бы сын и погиб»¹¹.

Весьма сомнительно, на наш взгляд, чтобы песни с таким условным сюжетом прямо зафиксировали реальную бытовую практику. Скорее всего перед нами вымышленная ситуация, созданная народным творчеством путем переосмысления отношений авункулата. Внимательное изучение тех же песен во всей многоплановости их содержания открывает нам сложный комплекс взаимоотношений фольклорного сознания с традиционными обычаями особого почитания дяди, по матери. Прежде всего, мотив материнской жертвы в этих песнях имеет патриотический смысл: в нем выражена идея семейной солидарности, прочности кровнородственных связей перед лицом врагов. Вместе с тем старые традиционные нормы авункулата, которым готова следовать мать, в песне неожиданно получают не поддержку, а осуждение. Дядя, фигурирующий в песнях, — персонаж отнюдь не героический. Он убил турка в пьяной ссоре. Сообщая сестре о грозящем ему наказании, он напоминает о своих традиционных правах на племянника. Песни проникнуты сочувствием к юноше. Поведение дяди и позиция матери в них осуждаются. Однако было бы неосторожно рассматривать эти песни как выражение протеста против отживших бытовых норм авункулата. Осуждение и компрометация их (вернее, крайних их проявлений, слепого их осуществления) совершаются здесь как бы попутно, они сопутствуют сюжетному переосмыслению обычая, которое происходит в других целях.

Замечено, что многие бытовые явления приобретают специфический интерес для фольклора в плане сюжетообразующем и идеологическом тогда, когда они либо оказываются в противоречии с движением жизни, с сознанием коллектива, либо преодолеваются, уходят в прошлое. Именно на почве отрицания отживших обычаев и представлений рождаются сюжетные темы и мотивы особенного внутреннего напряжения и драма-

¹⁰ См. Б. Н. Путилов, Славянские эпические песни о сватовстве, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970; его же, Эпос и обряд, сб. «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», Л., 1974.

¹¹ П. Влаховић, Трагови авункулата у јужнословенској народној поезији, «Гласник Етнографског музеја у Београду», књ. XIX, Београд, 1956, стр. 213.

тизма. Предметом внимания фольклора оказывается не сама бытовая традиция, а борьба с ней. В многочисленных балладах о замурованной жертве¹² воспеваются не институт человеческого жертвоприношения при возведении построек, а попытка избежать жертвы. Принесение жертвы изображается как трагедия. Эпические песни и сказки воспевают как великий подвиг избавление героем девушки, предназначенной стать добычей чудовища.

Своеобразие типовых связей фольклора с бытовой традицией наглядно проступает в тех случаях, когда народное творчество, конструируя особенный мир исторической и бытовой действительности, как бы изобретает отношения и нормы, которые в реальной истории данного народа могли и не существовать. Такой мнимый «этнографизм» обращен обычно в далекое прошлое, он сконструирован нередко по контрасту с настоящим. В фольклоре прошлому часто приписывается то, что невозможно в настоящем.

В этом плане показательна, на наш взгляд, известная фольклору многих народов тема инцеста брата и сестры. Этой теме посвящено большое количество произведений. Наиболее архаичны сюжеты, в которых брат и сестра первоначально. За этими сюжетами следуют остродраматические сюжеты, в которых брат и сестра от рождения сужены и брак между ними словно бы неотвратим. Неизбежность инцеста воспринимается как необъяснимое зло, с которым пытаются бороться. Преодоление инцеста воспринимается как торжество справедливости. Другими словами, инцест в этих сюжетах трактуется с точки зрения коллектива, для которого брак между братом и сестрой представляется ужасным и недопустимым. Вместе с тем фольклор исходит из того, что некогда такой брак был нормой.

Если стоять на позициях, согласно которым всякий бытовой мотив в фольклоре реален в своей основе, что фольклору свойственно прямое отражение быта, то за мотивом инцеста надо было бы искать реальные отношения людей на определенной стадии общественного развития. Между прочим, это и делали, возводя тему инцеста к нормам кровнородственной семьи, к промискуитету или к воспоминаниям о них¹³.

Вполне возможно, однако, трактовать различные архаические разработки темы инцеста в фольклоре не как отражение реально существовавших бытовых норм, а как своеобразную реконструкцию якобы некогда существовавших отношений по принципу противопоставления существующим реальным нормам¹⁴. При этом имело место не только противопоставление, но и объяснение того, как исчез этот обычай и какую роль сыграл он в прошлом. Необходимо учесть, что в такого рода реконструкциях важную сюжетообразующую и идеологическую роль играет мифология, в которой нередко уже присутствуют те первичные обобщения, которые лягут затем в основу фольклорных систем.

Одна из целей настоящей статьи — указать на то, что связи фольклора с миром традиционно-бытовой культуры не только сложны и многообразны, но что они, во-первых, имеют основополагающий характер для системы фольклора в целом и для отдельных ее элементов и, во-вторых, отличаются яркой спецификой¹⁵.

Важность изучения этой специфики, механизма действия этих связей, их конкретных результатов и их исторической типологии трудно переоценить. Такое изучение может многое дать не только для выяснения

¹² Layos Vargyas, *Researches into the mediaeval history of folk ballad*, Budapest, 1967.

¹³ Обзор данных по этому вопросу см., например: А. М. Золотарев, *Родовой строй и первобытная мифология*. М., 1964, стр. 44—46.

¹⁴ Б. Н. Путилов, *Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте*, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964.

¹⁵ См. К. В. Чистов, *Фольклор и этнография*, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970.

генезиса, исторического развития и художественной природы ряда явлений классического фольклора, для исследования разнообразных отражений народного быта и культуры в памятниках фольклора, но и для обнаружения некоторых общих закономерностей фольклорного творчества, знание которых плодотворно скажется на дальнейшем историческом изучении фольклора и использовании его в качестве этнографического источника.

THE MAJOR ASPECTS OF THE LINKS BETWEEN FOLKLORE AND TRADITIONAL CULTURE

The links of folklore with people's everyday life, with popular rituals, customs, norms, relationships, concepts — are universal and permanent. To a certain extent it is those links that condition the birth and sources of genre systems, of folklore subject-matter, its imagery and poetical structure, the character of folklore processes in their historical evolution, its creative methods and peculiarities of functioning. Such links are based upon a system of natural trends and their study helps to elucidate some fundamental aspects of the nature, the aesthetics and the history of folklore.

The author examines various types of functional links of folklore: folklore as part of ritual; folklore in the process of labour; folklore in everyday life. A special section of the article is devoted to the methods by which folklore transforms ethnographic material: the actual processes are examined by which ethnographic material proper is transformed into artistic generalization; the selectivity of folklore in treating matters of everyday life, the formulization of its phenomena, the processes by which the contradictions, the elements of fantasy and fiction are elicited in traditional substrata of everyday life, their creative interpretation and artistic enrichment.
